

Юнь Лэ на горе подвернул ногу, за что получил нагоняй от родителей и был на полмесяца заперт дома.

Его самовольная вылазка сильно разозлила мать. Она уже пообещала взять его с собой на первую после сбора урожая большую ярмарку, а теперь передумала.

— Раз уж сидишь без дела, заполни водой чан, покорми кур и уток. Кроме как за водой, никуда больше не смей ходить, поняла? — Чжоу Ваньхуэй строго отчитывала сына.

Полгода назад она вернулась из родительского дома и чуть не лишилась чувств, увидев его в растрёпанном виде и с беспорядком на голове. Взглянув на юношу, который стоял у тележки, надув щёки и нахмурившись, она всё же смягчилась:

— Привезу тебе зелёных пирожных. Веди себя хорошо, и в следующий раз обязательно возьму с собой.

Услышав это, Юнь Лэ заметно повеселел. Его третий брат тоже подошёл поближе и пообещал вполголоса привезти ему ленту для волос. Юнь Лэ наконец улыбнулся и попросил брата выбрать цвет небесной лазури — такой как раз подходил к обновке, которую недавно сшила мать.

— Ладно, иди домой, закончи дела и возвращайся пораньше. Если станет совсем скучно, сходи поиграй с Мань-гэ, — добавил отец, сидя на тележке.

Проводив взглядом отъезжающую тележку, Юнь Лэ покрутился по дому, а затем, медленно и неохотно, взял коромысло с ведрами и поплёлся к колодцу. Старшие братья уже были женаты и жили отдельно, так что вся работа по дому легла на его плечи.

Колодец в деревне Шуйсю находился у подножия дальней горы, и путь до него был неблизким. Добравшись до места, Юнь Лэ принялся тянуть верёвку. Грубая пенька в сочетании с неровными камнями колодезного сруба натёрла ладони до красноты, а пальцы онемели. С трудом наполнив ведра, он двинулся в обратный путь. Для него это было настоящим мучением: кожа у юноши была нежной, и любая работа оставляла на ней болезненные следы.

После пяти ходок чан наконец был полон. Ладони горели, плечи ныли. Юнь Лэ подул на руки, отпил воды и снова собрался в путь, как вдруг у колодца заметил знакомую фигуру. Глаза его загорелись. Убедившись, что вокруг никого нет, он окликнул:

— Сян Фэн, стой!

Сян Фэн, только что спустившийся с гор, остановился и обернулся. Увидев Юнь Лэ, он нахмурился, не понимая, зачем этот юноша его зовёт. Юнь Лэ был одет в серо-голубой короткий халат и льняные штаны, волосы собраны лентой, а покрасневшее от жары лицо

выглядело особенно ярко.

— Что-то случилось? — холодно спросил Сян Фэн.

— Ещё спрашиваешь! Если бы ты тогда не порвал мою одежду, я бы не получил нагоняй от матери, не пропустил бы ярмарку и не таскал бы сейчас воду! И ты ещё спрашиваешь, что случилось?

На непроницаемом лице Сян Фэна промелькнуло замешательство. Он уже хотел возразить, но Юнь Лэ протянул ему свои ладони:

— Посмотри, они покраснели из-за тебя! Ты должен нести ответственность!

Сян Фэн перевёл взгляд на маленькие красные ручки, затем на свои собственные, покрытые мозолями, и проглотил готовый сорваться с языка ответ. Юнь Лэ, видя его холодное молчание, надул губы и приготовился заплакать. Сян Фэну стало не по себе, и он невольно спросил, чего же тот хочет.

Юнь Лэ оглянулся на колодец и смущённо произнёс:

— Мать наказала мне носить воду, у меня всё болит. Ты... ты не мог бы помочь мне?

Будь на месте Сян Фэна кто-то другой, Юнь Лэ не осмелился бы просить. Но Сян Фэн, несмотря на свою пугающую холодность и немногословность, всегда беспрекословно его слушал: носил его на спине, помогал с корзинами каштанов и никогда не болтал лишнего. Это придавало Юнь Лэ смелости. К тому же, разве не честь для него — помочь такому красавцу?

Сян Фэн не знал, что творится в голове у юноши, но понял, что проще согласиться. К тому же, если кто-то увидит их здесь вместе, поползут слухи. Молча вздохнув, он решил, что в будущем стоит держаться от Юнь Лэ подальше, и принялся за работу.

То, что для Юнь Лэ было тяжёлым трудом, Сян Фэн проделал играючи. Через мгновение вёдра были полны, и он уже стоял с коромыслом на плечах.

Добравшись до двора дома Юнь, Сян Фэн залил воду в чан и собрался уходить, велел Юнь Лэ не ходить за ним. Всего за три ходки он наполнил чан доверху. Вернувшись в дом, Юнь Лэ вдруг почувствовал лёгкое укол совести, но тут же одёрнул себя: ведь это Сян Фэн во всём виноват, так что всё справедливо.

Немного поколебавшись, он всё же развёл чашку медовой воды и протянул Сян Фэну со словами благодарности. Тот выпил всё залпом и, собираясь уходить, решил дать совет:

— Я помог тебе в последний раз. Больше не зови меня, это портит твою репутацию.

Юнь Лэ, любуясь полными чанами, пропустил его слова мимо ушей.

— Ты что-то бормочешь? — переспросил он.

Сян Фэн хотел повторить, но Юнь Лэ перебил его, забирая пустую чашку и выпроваживая гостя:

— Иди уже, поздно, нам нехорошо оставаться вдвоём во дворе. Мне ещё кур кормить, закрой за собой калитку.

Сказав это, он скрылся в кухне. Сян Фэн, закрывая за собой дверь, только сейчас осознал, что произошло. Ему стало обидно: и не ударишь, и не договоришься. Неужели все юноши такие несносные? Он рано ушёл в армию и никогда не общался с молодыми людьми, а старые солдаты всегда говорили, что те слабые и нуждаются в защите. Но никто не предупреждал о таких капризных и своевольных, как Юнь Лэ!

Юнь Лэ же, не подозревая о его смятении, счастливо закончил работу, получил свои пирожные с лентой и так ластился к родителям, что те моментально забыли все обиды.

<http://bllate.org/book/21456/2193322>